

БОЛГАРСКИЕ ГОРОДСКИЕ ОБЩИНЫ В МАКЕДОНИИ (1878-1903 гг.) /СТРУКТУРА, ОРГАНИЗАЦИЯ И КОМПЕТЕНЦИИ/

Структура и организация болгарских органов самоуправления в Македонии в период 1878-1903 гг. является важной научной проблемой, которая не была комплексно изучена в исторической литературе. Данная тема хронологически до русско-турецкой освободительной войны была исследована Хр. Христовым¹. Процесс восстановления общинной системы после Берлинского конгресса и ее состояние до 1885 г. в своем обширном труде, посвященном Болгарскому экзархату, проследил патриарх Кирилл². Частично данная тема была затронута в работах, посвященных некоторым городам, таким как Салоники, Прилеп, Кукуш, Горна Джумая, Дойран и др.³ Интересные сведения нам оставили современники той эпохи В. Кынчов, А. Шопов, Г. Стрезов, Д. Матов⁴ и др.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть структуру и организацию болгарских городских общин в Македонии, уделив особое внимание выборной системе в общине, компетенциям и обязанностям должностных лиц общинных институтов, их связям с Экзархатом и населением, как и их денежному содержанию. Эти задачи достигаются с привлечением богатого архивного материала из фондов Болгарского экзархата и торговых агентств, сведений из периодической печати исследуемого периода и указанной литературы.

После Берлинского конгресса сеть болгарских городских общин в Македонии начала восстанавливаться и расширяться. В послевоенный период Экзархат в этом видел одну из главных своих задач, поскольку рассчитывал именно на общины в достижении своих главных церковно-просветительных целей в турецких вилайетах. Общины были его надежной опорой как в тяжелые годы официального непризнания экзархийского ведомства в Османской империи, так и после отправления болгарских архиереев в некоторые македонские епархии. Посредством общин народ имел связь с Экзархатом по различным вопросам. Обладавшие широкими компетенциями, охватывающими всю общественную, национальную и церковно-школьную жизнь населения, они являлись исключи-

тельно важными легальными выборными органами болгар в вилайетах, их опорой и защитой.

До выдачи болгарским митрополитам бератов общины в вилайетских центрах Салоники, Битоля и Скопье выполняли функции епархиального начальства. Тем самым фактически восстанавливалось экзархийское ведомство и стимулировалось развитие церковно-школьного дела. Экзархат пытался выстроить для своего непризнанного ведомства церковную организацию, посредством которой можно было бы поддерживать и развивать национальное чувство⁵.

Чтобы городские общины могли успешно выполнять свои задачи, необходимо было регламентировать их устройство и порядок деятельности, что осуществлялось посредством выработки общинного устава. До этого они действовали скорее спонтанно, стремясь подражать греческим церковно-школьным общинам, что было естественным ввиду того, что во многих городах Македонии болгарские общины являлись прямым продолжением органов самоуправления, находившихся под руководством Патриархии. После учреждения Экзархата они перешли под его ведомство и стали заботиться о болгарском церковно-школьном деле, из-за чего оказались в состоянии не утихающего конфликта с греческими духовными властями. Общины играли главную роль в процессе церковного и национального освобождения. По мере роста общинного института и ввиду отсутствия в Македонии прямой экзархийской власти они утвердили свою самостоятельность и возглавили национально-церковную борьбу. Наряду с этим они признали главенство Экзархата, от которого ожидали помощь, и который являлся духовным объединителем всех болгар в турецких вилайетах⁶.

Инициатива создания общинного устава принадлежала охридчанину Науму Спространову, который в 1882 г. взялся за составление Устава Салоникской общины. В письме к архимандриту Мефодию от 10 июня 1882 г. он доказывал необходимость такого документа, отмечая, что «отсутствие какой бы то ни было организованности приводит к ненормальному положению вещей, которое постоянно наблюдается в отношениях между македонскими общинами и подведомственными им учителями». Спространова волновал конфликт общины со школьным руководством в Салониках, под влиянием которого он дополнительно разработал свод правил для школ⁷. Вступление в силу турецкого закона об образовании (1882 г.), который определял права и обязанности общин и учителей, также приводило к регламентации обязанностей двух сторон. Учитывая это, Н. Спространов ожидал от Экзархата одобрения двух своих проектов, надеясь, что он распорядится принять их за основу жизнедеятельности наиболее важных общин⁸. Из его письма видно, что предлагаемый им общинный

устав был предусмотрен для общины не только Салоник, но и других городов, что делало его универсальным.

Пункт 1 устава определял состав должностных лиц Салоникской общины, которыми являлись председатель, секретарь и 8 членов. Община должна была заниматься духовными делами в своем районе, иметь в своем управлении церкви, школы и другие болгарские учебные заведения (п. 3). Она имела право распоряжаться церковными доходами и расходами и собирать «добровольные пожертвования для поддержания учебных заведений» (п. 4). Подчеркивалось, что председатель общины должен «быть облачен в духовный сан» (п. 5). Он напрямую назначался Экзархатом, однако, мог и избираться общиной, если руководство церкви «позволит это и сочтет нужным» (п. 6). Предусматривалась возможность требовать от Экзархата смены председателя, если его деятельность не удовлетворяет общину (п. 7)⁹. Требование п. 5 было обоснованным, поскольку болгарские городские общины являлись учреждениями напрямую подчиняющимися Экзархату и обладали в первую очередь церковно-просветительными функциями. В таком качестве они являлись главной движущей силой в деятельности Экзархата в вилайетах.

В избрании должностных лиц общины участвовали первенцы (первые люди) болгарского населения в Салониках (п. 9), выборы повторялись каждый год (п. 16). Должностное лицо не могло самовольно уйти в отставку, а лишь после предъявления в письменной форме объяснений причин ухода, которые должны были рассматриваться общиной и получить ее одобрение (п. 16). Подавший в отставку мог покинуть свой пост только после того, как его место занимало новоизбранное должностное лицо, избрание которого следовало осуществить в 15-дневный срок (п. 17). Подобные постановления призваны были внушить должностному лицу необходимую серьезность и ответственность за занимаемый им пост.

Устав регламентировал ход и порядок заседаний общины. Они должны были проводиться публично (п. 14) и под руководством председателя (п. 13) в присутствии, по меньшей мере, 6 членов (п. 19). Все вопросы решались большинством голосов (п. 19). В деловой переписке община должна была использовать общинную печать и подписи председателя, его заместителя и секретаря (п. 18). Тем самым подтверждалась истинность и законность документа. Доходы и расходы салоникских школ и пансионеров определялись общиной, а ее переписка по этим вопросам, как и все денежные счета, должны были помимо подписи перечисленных должностных лиц иметь еще и подпись кассира (п. 18).

Особое внимание в уставе было уделено вопросам просвещения, забота о котором входила в компетенцию общин. «Председатель, его заместитель и кассир образуют отдельную Учебную комиссию по надзору за пансионатами, точным исполнением школьного устава и вообще надлежащим ходом школьных дел» (п. 20). Другие пункты устава затрагивали полномочия комиссии – по меньшей мере один раз в неделю посещать школы и пансионаты (п. 21), следить за возможными материальными злоупотреблениями и принимать меры к их предотвращению (п. 22). К решению педагогических вопросов разрешалось привлекать и учителей, но только с совещательным голосом (п. 23). Комиссия имела право контролировать деятельность учителей, делать им замечания через директора и даже подавать (через общину) Экзархату прошение об их увольнении (п. 24). Этими постановлениями определялась руководящая и контролирующая роль общины в лице Учебной комиссии по отношению к преподавательскому составу. Спространов надеялся с помощью четкого фиксирования прав и обязанностей двух сторон – учителей и общинного совета – достичь гармонии в их деятельности.

Были отмечены и обязанности секретаря, который «отвечал за порядок в общинных архивах» и за корреспонденцию (п. 25). Секретарь должен был составлять ведомости по счетам кассира и в конце каждого месяца предъявлять их общине, которая в свою очередь после их одобрения отправляла их в Экзархат (п. 26). В отсутствие председателя, секретарь брал на себя его обязанность распечатывать и читать адресованные общине письма (п. 27). Последний пункт устава касался возможных изменений в нем, которые могли вноситься по предложению должностных лиц общины, но обязательно должны были быть утверждены Экзархатом (п. 28). Тем самым фактически утверждалась ее руководящая роль по отношению к местным органам самоуправления¹⁰.

Проект Н. Спространова соответствовал требованиям Экзархата, наметив основные положения в организации и структуре общин. Проект затрагивал как вопросы внутреннего устройства, так и отношение общинного института к школьному делу и Экзархату как верховному органу.

В личном фонде Кузмана Шапкарева удалось обнаружить еще один проект устава Салоникской общины. Документ не был ни подписан, ни датирован, но, очевидно, был создан, когда Шапкарев занимал должность секретаря в Салоникской общине (1881-1883)¹¹. Поскольку данные о том, что проект был одобрен Экзархатом и вступил в силу, отсутствуют, мы не будем на нем долго останавливаться. Отметим лишь, что он дает четкое представление о целях, организационном устройстве и функциях Салоникской общины. Упоминаемые два

проекта во многих отношениях очень похожи друг на друга и содержат ряд однотипных постановлений, касающихся структуры и управления в общине. В то же время бросаются в глаза и некоторые отличия, связанные с акцентированием внимания на некоторых проблемах. В этом отношении проекты взаимно дополняют друг друга и более широко раскрывают картину общинной организации. Оба проекта устава относились к Салоникской общине, но не содержали географических ограничений или неких указаний на районную специфику, поэтому их успешно можно было использовать в любой другой болгарской городской общине. Принят был проект Н. Спространова, одобренный Экзархатом.

Устройство, права, обязанности и значение болгарских церковных общин в Македонии обсуждались в многочисленных статьях, опубликованных в газете «Зорница» в 1880 г. По словам патриарха Кирилла, эти статьи являлись анонимной экзархийской программой¹².

Интерес представляет выборная система в общине, представленная в 44 номере «Зорницы» 28 октября 1880 г. На собрании «первых граждан» в городе избирались должностные лица (большинством голосов). В их составе обязательно должны были присутствовать «один, два или больше духовных лиц», занимающихся церковными делами. Четко указывалось, что председатель и секретарь также избираются, но только уже самими должностными лицами. Из их же числа выбираются 3-4 школьных настоятеля и столько же церковных настоятелей, один из которых становился «прямым посредником между местной властью и общиной», второй – «ответственным за документы венчания и крещения» и третий – ответственным за «некую другую отдельную работу»¹³. На должности необходимо было подыскивать наиболее подходящих и компетентных людей, дабы можно было реализовать замысел начинания. Такое распределение обязанностей между должностными лицами должно было способствовать созданию более эффективного в работе внутриобщинного устройства.

Выборность должностных лиц общины и ее председателя обеспечивали ей большую самостоятельность как учреждению. Последнее слово, однако, оставалось за экзархом, который согласно экзархийскому уставу 1871 г. имел право утверждать или не утверждать результаты выборов после получения им избирательного протокола. Были случаи, когда сами общины просили Экзархат назначить им председателя. В таком случае назначенный им священник занимал свой пост после голосования за него общины¹⁴.

Множество свидетельств о назначении Экзархатом общинных председателей в 90-х гг. XIX в. содержится в газете «Новини»¹⁵. Очевидно, что в исследуемый нами период подобная практика стала нормой, подчеркивающей статус

председателей как представителей экзарха на местах. Сведения о том, выставлялась ли их кандидатура на утверждение членов общины при их вступлении в должность, отсутствуют. Однако по прибытии в город свидетельство экзарха о своем назначении они предъявляли местным властям, как было в случае с назначенным новым председателем Сярской общины архимандритом Йоаникием, который представил документы местному окружному руководителю Нуредину паше в первый же день своего пребывания в городе (5 мая 1896 г.)¹⁶.

Впечатляет еще один факт – в течение ряда лет председатели общин переназначались на ту же должность, но с перемещением в другой город Македонии. Так, в 1896 г. бывший битольский председатель архимандрит Йоаникий получил ту же должность, но в Сярской общине; бывший ранее сярским председателем отец Н. Саев был назначен на ту же должность в Гевгели, а бывший дебрский председатель архимандрит Козьма – председателем Битольской общины¹⁷. Можно привести еще массу примеров подобных перемещений, но и перечисленных будет достаточно, чтобы ясно представить себе картину происходившего.

В действительности в Македонии единая общинная избирательная система долгое время отсутствовала. В своем докладе Св. Синоду 23 марта 1900 г. экзарх Йосиф писал: «Едва ли существуют общины, должностные лица которых вначале избирались столь разными способами, как это происходит в общинах, подведомственных Экзархату. До 1896 г. почти в каждом городе, где не были осуществлены постановления фирмана, имелась своя выборная система: в одних городах избирателями были только представители эснафа, в других – только первенцы, в третьих – прихожане, в четвертых в выборах участвовали и представители от сел, в пятых, где не было достаточно болгар, как в Костуре и Мельнике, представители от сел были и избирателями и избираемыми. В 1896 г. эта аномалия исчезла: был составлен Временный свод правил, касающийся порядка выборов в общинах и их функций. Свод строго соответствует духу и букве Экзархийского устава, а также новым требованиям и условиям. Он упорядочивает и правила избрания церковных и школьных настоятельств»¹⁸.

В различных городах Македонии имелись свои отличия в выборной системе. Так, например, корреспондент экзархийского органа «Новини» описывал обычную практику при проведении выборов в Прилепе в январе 1894 г., в которых активное участие принимал торгово-ремесленный эснаф: при приближении нового календарного года старый состав должностных лиц общины готовил список кандидатов, который рассылался предводителям ремесленных цехов; на собраниях ремесленников большинством голосов из 36 человек, внесенных в

список, выбирались 12. Акт избрания подтверждался эснафской печатью и отправлялся обратно (в запечатанном конверте). Старый состав открывал конверты, пересчитывал голоса, поданные за каждого кандидата, после чего письменно извещал новоизбранных должностных лиц, приглашая их на первое заседание в определенный для этого день. В этом заседании избирался новый председатель, а в следующих – школьные и церковные настоятели¹⁹.

В Битоле общинные выборы в 1895 г. проводились в присутствии представителей не только эснафа, но и болгарских кварталов города, и подтверждались протоколом с их собственноручными подписями и печатями эснафа и кварталов. Новым по сравнению с прошлыми годами являлось то, что на выборах теперь могли присутствовать не только 2-3 представителя от каждого цеха или квартала, а большее количество людей, которые представляли только самих себя. Избранный в срок состав должностных лиц общины был утвержден Экзархией в ее письме за № 115 от 23 января 1895 г.²⁰

Другим способом были проведены выборы в Горна Джумае в 1892 г., где 29 октября было собрано казалийское собрание, на котором присутствовали 60-70 избирателей горожан и крестьян. Собрание было открыто председателем архимандритом Николаем, который зачитал отчет о деятельности общины за истекший год и представил смету доходов и расходов общины. После этого сперва через открытое, а затем через закрытое голосование были избраны новые должностные лица. Процедура избрания была описана в специально составленном секретарем протоколе, подписанном всеми избирателями. Корреспондент «Новини» восхищался населением Горноджумайской околии, «гражданами, которые под руководством председателя в согласии и любви сохраняют в околии такое единство в национально-церковном отношении, какого не найдешь еще в других находящихся в более завидном положении общинах». Автор был приятно удивлен еще одним фактом, а именно поведением крестьян, присутствовавших на собрании, которые «так ясно излагали свои мысли в пользу нашего национально-церковного дела»²¹.

Право горожан и крестьян данной казы на совместное участие в выборах и в деятельности общины защищалось в корреспонденции из Дебра (10 июня 1895 г.), в которой заявлялось, что «городское и сельское население епархии должно составлять одно организованное хорошо устроенное целое». Этого требовали условия города, являвшегося центром и руководителем для окрестной территории. Архимандрит Козьма был первым, кто планировал составить общину из представителей города и казы, но его идея осталась неосуществленной, поскольку он вскоре покинул должность председателя. Автор полагал, что если

население казы пожелает иметь своих представителей в управленческом аппарате общины, то «их сограждане не должны быть равнодушны к этим требованиям»²².

Совместное участие в общинных выборах представителей города и казы наблюдалось в Мехомии, где должностные лица общины были избраны 16 апреля 1896 г. на общем собрании видных первенцев и влиятельных священников всей Разложской казы, а пост председателя снова достался экзархийскому наместнику священнику Николе Ангелову²³.

Интерес представляют выборы нового состава должностных лиц Кавадарской общины в конце 1894 г. Занять место председателя отца Христо Телятинова прибыл назначенный Экзархатом отец Мефодий Штерев, который сразу же занялся решением местных вопросов. Кавадарци являлись резиденцией тиквешского каймакама, там же располагалась местная правительственная власть. Там должно было быть и главное общинное управление всей казы. Однако до прибытия нового председателя два самых главных села в Тиквешской казе – Неготино и Ватоша претендовали на образование своих независимых от кавадарской общин. Отец Мефодий сумел снискать любовь населения и оказал на него положительное влияние: 12 декабря 1894 г. община в Кавадарцах с согласия старейшин Неготино и Витоша приняла решение об избрании нового органа самоуправления, в состав которого вошли два представителя от каждого из этих сел. Так была образована одна общая и центральная для всей Тиквешской казы церковно-школьная община в г. Кавадарци²⁴.

Указанные выше примеры показывают, что общинная выборная система в разных городах Македонии имела свои особенности и не основывалась на строгих правилах. До 1896 г. она не была унифицирована. Изменения наступили после появления в этом году Временного свода правил, касающихся порядка выборов в общинах и их функций.

На первом этапе сейчас следовало избирать гласных от прихожан. В Сяре 22 декабря 1896 г. в этих выборах участвовали жители всех частей города (предварительно вписавшие себя в отправленный им список)²⁵. В конце 1896 г. под руководством специального бюро были проведены выборы гласных в Салониках: 21 декабря в приходе Пиргии (избраны 6 гласных) и 29 декабря в приходах св. Кирилла и Мефодия и св. Димитрия (избраны по 12 гласных от каждого прихода). Созванное общиной 14 сентября 1896 г. городское собрание в Салониках постановило, что правом избирать гласных и быть избранным обладают не только те болгары, которые «имеют местную регистрацию, но и все те, кто заведет в городе домохозяйство». На этом основании Салоникская община

пригласила и семейных учителей принять участие в выборах. Следует отметить, что в городе только небольшая часть болгар имела салоницкую регистрацию, тогда как обязанности «зарегистрированных» и «незарегистрированных» в церковно-школьном деле были одинаковыми²⁶.

На втором этапе гласные должны были избирать новых должностных лиц общины. Мероприятие проводилось под руководством председателя²⁷.

В номере экзархийского органа «Новини» за 10 февраля 1898 г. обращалось внимание на одно тревожное явление – на несерьезное отношение и слабую активность гласных в Салониках в период общинных выборов в начале 1898 г. (на голосование явилась лишь малая часть из них). Тем самым Салоники давали плохой пример болгарам в остальных городах вилайета²⁸. Укоряющие слова редакции имели под собой основание. Безответственным поведением и несерьезным отношением к народному делу болгары могли лишь потерять свое значение в глазах турецких властей. Активное же участие в церковно-школьной и общинной деятельности доказывало степень зрелости болгарского общества в Османской империи и его готовность отстаивать свои права.

Для населения избрание руководства церковных общин имело огромное значение. Будучи легальными институтами, общины представляли население перед властями, отстаивали его интересы, руководили всей его общественной, церковно-школьной и национальной жизнью. Ввиду этого, выборы были особенно ответственным актом.

В упоминаемой экзархийской программе, опубликованной в «Зорнице» в 1880 г., внимание акцентировалось, прежде всего, на аккуратности, с которой болгары в вилайетах должны были приступить к общинным выборам. Удачное развитие народного дела в городе зависело, прежде всего, от самих горожан, которые должны были избрать должностными лицами общины наиболее достойных, честных и знающих. Для этого они должны были остановить свой выбор на тех, которые «своим делом доказали, что могут достойно руководить народной деятельностью»²⁹.

Отдельное внимание было уделено обязанностям руководства общины. Они разделялись на две группы: обязанности по отношению к населению, которое их избрало, и обязанности по отношению к Экзархату, правительству и другим общинам. В первую группу «обязанностей» входили: 1) «добросовестное ведение заседаний общины», 2) «поддержание в порядке церквей», 3) «стремление к лучшему развитию школ». Выполнение первого требования в первую очередь зависело от личных качеств самих должностных лиц общины. «Если они разумны, почтенны и благородны, их заседания будут иметь разум-

ный, почтенный и благородный характер; если они ревностные патриоты, заседания их будут регулярными»³⁰. Еще при вступлении в должность каждое должностное лицо должно было иметь ясное представление о целях общины и своих обязанностях. Он должен был знать, что та руководствуется не личными интересами, а стремится к «одной общей цели – мудрому руководству национально-церковной деятельностью и успешной защите национально-церковных интересов». Отсюда проистекала и главная обязанность каждого должностного лица по отношению к народу – «искренно, ревностно и беспристрастно выполнять» ту работу, которая была ему вверена. Поэтому он, оставив личные дела на втором плане, должен был регулярно присутствовать на заседаниях; углубленно изучать наболевшие проблемы, являвшиеся объектом обсуждений; активно участвовать в их разрешении и «предотвращать появление... духа надменности и упрямства и превращение тем самым общины в место честолобивых и капризных проявлений»³¹.

Предлагался демократичный принцип обсуждения поставленных вопросов, при котором заслушивались и оценивались достоинства различных мнений. Окончательное решение принималось большинством голосов. Выполнение этого требования облегчило бы работу и создало спокойную обстановку, необходимую для успешного проведения заседаний.

Нельзя забывать, что некоторые должностные лица имели и специальные задачи, связанные с их непосредственными обязанностями. Так, церковный настоятель должен был «честно и верно распоряжаться церковными деньгами и употреблять их только на церковные нужды в соответствии с решением общины; ... соблюдать должный порядок в церковных делах...» и заботиться о том, чтобы храм ни в чем не нуждался. Школьный настоятель должен был «доказать свое достоинство содействием успешному развитию школ – посещать их время от времени, снабжать их всем необходимым и требовать от их учащихся умственных стараний и нравственного развития»³². Данные требования говорят об исключительной ответственности, которую брали на себя должностные лица общины при вступлении на пост. Они считались официальными представителями болгарской общности. Именно от них главным образом зависел успех в развитии народных дел в вилайетах.

Каждая община имела обязанности по отношению к своему населению, должна была защищать его интересы, знакомиться с его проблемами и пытаться их разрешить. Руководство общины должно было быть открыто людям, которые доверились ему и нуждались в поддержке общины. В этом смысле тревогу вселяли жалобы с мест, направляемые в редакцию «Новини», на поведение

различных митрополитов, наместников и должностных лиц общины, которые не принимали радушно людей, не выслушивали их с должным вниманием, а зачастую и прогоняли их. Такое поведение настраивало население против общинных учреждений, против конкретного председателя или наместника. Хотя некоторые из этих жалоб, вероятно, были преувеличены и даже вымышлены с целью скомпрометировать некую личность, все же часть из них была истинной. Этого было достаточно для того, чтобы вопрос был рассмотрен. 21 апреля 1895 г. редакция экзархийского органа обратилась ко всем митрополитам, общинным председателям и архиерейским наместникам в вилайетах с требованием пересмотреть свое поведение. Она полагала, что все дело в чиновниках, стремящихся продемонстрировать свою власть. Дьяконы, писари или служащие заставляли посетителей ждать, а иногда и возвращали их назад, о чем не уведомляли владыку или председателя. За такие поступки требовалось выносить строгий выговор³³. Данные о том, действительно ли вина в указанных случаях лежала лишь на чиновниках, отсутствуют, но очевидно то, что председатели должны были знать об отношении своих служащих к посетителям и контролировать их работу. В крайнем случае, именно они несли ответственность за действия общины.

Указывалось на тот факт, что крестьяне относятся с уважением к институту митрополии и общины, а соответственно и к их руководству. Не следовало допускать охлаждения этих чувств, так как это помешало бы развитию народного дела. В газете отмечалось: «Обязанность и назначение этих учреждений и этих чиновников именно в том и состоит, чтобы любезно и в любое время принимать каждого, с терпением его выслушивать, давать ему советы и в короткий срок решать его дела»³⁴. Отношение руководства общин к населению в большой степени определяло его авторитет среди этого населения. А это, разумеется, было исключительно важным условием успеха церковно-школьной деятельности общинного учреждения в подведомственном ему районе, что не должно было не сказываться на успехе национальной деятельности во всей Македонии.

Как уже упоминалось, болгарские органы самоуправления имели обязанности по отношению к Экзархату, которые проистекали из факта единства их церковно-школьной деятельности в Македонии. Общины руководили школами и религиозной деятельностью, а Экзархату принадлежала верховная церковная власть. Будучи национально-церковными учреждениями, общины принадлежали к ее ведомству, и их обязанности определялись характером той деятельности, которая была им поручена. До назначения митрополитов в епархии общины являлись самыми важными народными учреждениями на местах. После

прибытия болгарских владык в семь македонских епархий – Скопскую, Охридскую, Велесскую, Неврокопскую, Битолскую, Дебрскую и Струмицкую – руководство церковно-школьной деятельностью в данных епархиях взяли на себя архиереи. Они имели и свои архиерейские наместничества, возглавляемые архиерейскими наместниками. В епархиях, где болгарских митрополитов не было, церковно-школьной жизнью населения руководили общины и их председатели. На городские общины возлагались почти все те обязанности, которые имел епархиальный владыка по отношению к своему духовному начальству. Они должны были регулярно информировать экзарха о «ходе национально-церковных дел в епархии», об «уровне интеллектуального, нравственного и материального развития народа», о трудностях, которые люди встречают при осуществлении своих религиозных прав, их причинах и способах устранения. В то же время следовало обращаться за советом экзарха по различным вопросам, относящимся к экзархийскому ведомству. За разрешением всех вопросов, касающихся рукоположения священника, освящения церкви или наказания провинившихся священнослужителей, которые бы мог самостоятельно решить владыка, следовало обращаться к Экзархату³⁵. Также общины должны были регулярно отправлять сведения о развитии школьного дела и статистические данные о количестве церквей и школ в подведомственных им районах³⁶.

Городские общины поддерживали постоянную связь с Экзархатом и обращались к нему с множеством просьб и вопросов. Они ожидали от него содействия в открытии или возвращении захваченных патриархийскими владыками или болгарами униатами церквей, в обеспечении приходов церковной одеждой, утварью и славянскими богослужебными книгами.³⁷ По просьбе населения они ходатайствовали перед экзархом о выделении денежной помощи на постройку новых церквей,³⁸ обращались к нему с просьбой отправить им и рукоположить священника,³⁹ выступали посредником в переговорах между жителями некоего села в их районе и Экзархатом по поводу их перехода под экзархийское ведомство⁴⁰. Многочисленными были прошения общин отправить к ним болгарских владык, которые возглавили бы национально-религиозную деятельность и защищали бы права болгарского населения в межджисах⁴¹.

Экзархат руководил всей национально-церковной деятельностью болгар в турецких вилайетах. Городские общины признавали его главенство и ожидали от него помощь в решении ряда важных проблем. Йосиф I был убежден, что в действиях церкви и болгарских органов местного самоуправления должна существовать согласованность. Поэтому сведения салоникского председателя архимандрита Григория (в письме от 6 июля 1890 г.) о самостоятельных необду-

манных действиях отдельных лиц вызвали недовольство экзарха. Эти лица в личном разговоре или через письма убеждали руководство центральных общин Македонии отправить своих представителей в Константинополь для прямого сношения с Высокой портой по церковному вопросу. Йосиф I полагал, что подобные явления могут лишь навредить делу. «Вероятно, эти люди руководствовались корыстными целями или были подкуплены чужими агентами», поэтому председателю было поручено разобраться в том, кто эти люди и своевременно сообщить об этом. Последовало предупреждение о том, что «любое отклонение общин от политики Экзархата и самостоятельные действия без его ведома будут означать окончательный крах всего дела»⁴².

В то же время экзарх осознавал, что общины должны жить самостоятельной жизнью и проявлять инициативу в достижении возложенных на них задач. Учитывая их права, экзарх считал необходимым предоставить им свободу в организации церковно-школьной деятельности в подведомственных им районах, а также возложить на них материальную и моральную ответственность за успех этой деятельности. Политика Экзархата была направлена на стимулирование активности и самостоятельности общин в народных делах, при достижении чего Экзархат занимался бы лишь оказанием в случае необходимости финансовой помощи общинам. Так было бы легче добиться укрепления национального самосознания болгар в вилайетах.

В обязанности населения вменялась защита своих прав и организация массовых акций в поддержку должностных лиц общины и учителей, в случае если те подвергались преследованиям и арестам со стороны властей. Такие акции протеста проводились часто, поскольку произвол местных властей по отношению к церкви, школе или общине (с целью поставить ее под руководство грекоманского меньшинства) был распространенным явлением в Македонии. Здесь можно упомянуть и активное участие женщин в защите национальных прав⁴³. Заботясь о материальной поддержке арестованных, население подтверждало свою национальную солидарность, лежащую в основе национальной самозащиты. В многочисленных письмах общинам экзарх Йосиф поощрял консолидированные действия болгар по защите своих прав и по пресечению антинародных проявлений.⁴⁴

Ко второй группе обязанностей общины (упоминаемых в экзархийской программе, опубликованной в «Зорнице») относились обязанности по отношению к правительству. Уточнялось, что, будучи неполитическими учреждениями, церковно-школьные органы в Македонии имели скорее косвенные обязанности. «Они не должны были служить полицией для правительства», но долж-

ны были указывать ему лиц, которые «интригами подбивают народ против завоеванных им прав» и используют свою власть во вред религиозной свободе. Будучи защитниками национально-церковных прав, общины должны были отстаивать их и пресекать любые попытки попортить их. Поэтому они должны были уведомлять местные власти о любых антиболгарских проявлениях греческих владык, священников и погреченных чорбаджиев. Если власти не обращали внимания на жалобы, следовало обращаться за содействием к центральному правительству в Константинополе, поскольку «такие нарушители народных прав являются опасными и для самой державы, так как компрометируют перед Европой добрые намерения Высокой порты по отношению ко всем народностям вообще и к болгарской особенно».⁴⁵ Очень тактично указывалось, каким должно быть отношение османских властей к экзархийским учреждениям в Македонии как вполне легальным институтам. Проблема, однако, была в том, что на практике национально-церковные права ущемляли сами власти, которые в соответствии с государственными законами должны были обеспечивать их защиту. К сожалению, в Османской империи соблюдение закона не являлось приоритетом.

Городские общины (как и сельские) имели обязанности по отношению друг к другу, которые проистекали из единства их целей и из того факта, что они являлись «ростками одного и того же корня». Общины одной епархии должны были работать заодно в национально-церковных делах: добиваться от Экзархата, а с его помощью и от правительства, назначения болгарских архиереев в епархию, совместно защищать общие епархиальные интересы от посягательств инородного владыки или его наместника, противиться нарушению закона со стороны местных властей и т.д. Они должны были договариваться друг с другом через письма или через посланников, поддерживать постоянную корреспонденцию, чтобы быть готовыми к согласованным и совместным действиям, как, например, в вышеперечисленных случаях. Эффект от таких действий был бы более сильным, чем от разрозненных проявлений. Через письма городские религиозные учреждения должны были уведомлять друг друга о состоянии общественных дел в районе, о своих нуждах, об эвентуальных угрозах и о мерах по их устранению⁴⁶.

Советы Экзархата прибегать к межобщинным консультациям при выборе правильных решений применялись на практике. В 1890 г. Прилепская община интересовалась мнением Битольской общины по вопросу отправления представителей от македонских болгарских епархий в Константинополь с целью ходатайствовать о более скором назначении болгарских владык. Экзарх был озна-

комлен с перепиской двух общин по этому вопросу и полностью одобрил уместное предложение битольского председателя архимандрита Козьмы временно отложить подобные действия⁴⁷.

Контакты между городскими экзархийскими учреждениями осуществлялись и через взаимные визиты их председателей по приглашению. Примером этого являлся 3-дневный визит струмицкого председателя отца Герасима в г. Радовиш во время праздника Св. Пятидесятницы в 1894 г. Отец Герасим присутствовал на богослужениях и школьных экзаменах, отслужил церковную проповедь и молебен за благоденствие султана и рекомендовал руководству Радовишской общины регулярно проводить заседания и старательней распределять свои задачи в городе и его округе⁴⁸.

Будучи народными учреждениями, городские общины находились в прямом контакте с населением подведомственного им района. Избранные для защиты его интересов и руководства его церковно-школьными делами, они должны были обладать необходимым авторитетом. Для успеха общинной деятельности исключительно важным было, чтобы «решения общины учитывались и уважались», как отмечал салоникский корреспондент «Новини» в 1895 г. Он указывал на то, что «многие полезные решения общины», принятые в прошлом году, так и не вступили в силу, поскольку были проигнорированы некоторыми гражданами⁴⁹.

Экзархийская деятельность в Македонии развивалась согласно четкой программе общинной, церковной и просветительской политики Экзархата. Основным в ней было утверждение народного характера общин (который они имели еще до образования Экзархата) и организация ими всей деятельности по народной самозащите. Болгарская церковь признавала, что ее жизненная сила идет от общин, являвшихся ее истинной опорой. В трудные моменты, когда она стремилась сохранить свою резиденцию в Константинополе, или при восстановлении и расширении ее диоцеза в Македонии, она получала поддержку болгарских органов самоуправления. Утвердившись в качестве важного фактора в вилайетах, Экзархат начал помогать и заступаться за них. Так возникла крепкая взаимозависимость между Экзархатом, общинами и населением в Македонии⁵⁰.

Как уже упоминалось, в Македонии существовала иерархия городских общин. Главным политическим и торгово-экономическим центром провинции считались Салоники. Там же находился и штаб экзархийского национально-церковного движения, а Салоникская община играла роль центральной по отношению к остальным. Она была наделена функциями посредника между другими религиозными учреждениями в вилайете и Экзархатом.

К концу XIX в., однако, эта роль стала ослабевать, что возбуждало тревогу у торгового агента в Салониках Атанаса Шопова. 4 марта 1899 г. в секретном послании княжескому дипломатическому агенту в Константинополе Д. Маркову Шопов указывал на негативные последствия наступившей децентрализации в церковно-школьном деле Салоникского вилайета⁵¹. По его словам, общины и митрополиты в округе «даже по рядовым вопросам связываются напрямую с Экзархатом, отказываясь от контактов с Салоникской общиной»; в вилайете многие церковно-школьные и общинные вопросы решаются валией, поскольку местные представители обо всем докладывают властям; «Салоникская община, будучи единственным наиболее близким к валии болгарским учреждением, не предпринимает никаких действий перед ним и не дает никаких разъяснений по запросам до тех пор, пока не получит инструкции от Экзархата», что приводило к промедлению, а часто и к отказу в решении проблемы или же к ее решению исключительно на основе донесений каймакама и не в пользу болгар.

В подтверждение своих слов А. Шопов вспоминал случай, когда в начале 1899 г. власти намеревались интернировать двух учителей из-за полученных сведений об их неблагонадежности: Хр. Матова – из Салоник и Манова – из Сяра. Вопрос с Хр. Матовым был легко разрешен, так как за него официально заступилась Салоникская община, а княжеское торговое агентство в городе оказало ей поддержку, поскольку интернирование зависело от валии. Совсем в другом положении оказался Манов, столкнувшийся с большими сложностями, несмотря на то, что его случай был аналогичен случаю Матова. Сярская община обратилась за содействием к Экзархату, тогда как Салоникская осталась пассивной, хотя и могла помочь, если бы имела полномочия представлять дела Сярского санджака.

В заключение Шопов писал, что в силу своего важного местоположения в округе и своих возможностей Салоникская община должна иметь полномочия заступаться перед вилайетским управлением «по всем церковно-школьным и общинным вопросам в вилайете быстро и не ожидая специального разрешения и наставлений из Константинополя». Торговый агент считал необходимым призвать болгарские органы самоуправления в округе обо всех проблемах, относящихся к вилайетской власти, информировать наряду с Экзархатом также и Салоникскую общину. Шопов просил болгарского дипломатического агента в Константинополе помочь ходатайствовать в этом вопросе перед экзархом. Он был убежден, что реорганизованная таким образом община внесет большой вклад в успех церковно-школьной деятельности в вилайете⁵².

Проблема влияния на болгар этого главного органа самоуправления обсуждалась пятнадцатью годами ранее. В 1884 г. экзарх Йосиф отклонил предложение тогдашнего салоницкого председателя архимандрита Козьмы перевести под ведомство его общины Воден, Кукуш, Дойран и Штип с тем, чтобы вся их переписка с Экзархатом шла через него. Экзарх пожелал поддерживать непосредственную связь с этими городами, поскольку так соблюдалась самостоятельность их общин.⁵³ Речь, однако, в том случае шла не об уменьшении их прав, а скорее о разумном использовании возможностей, которыми обладала главная болгарская община в важном административном центре.

Позиция торгового агента была не беспочвенной, так как требовалось искать наиболее короткие и удачные пути решения любых церковно-школьных или общинных вопросов жизнедеятельности болгар. Пассивность и выжидательное положение во многих случаях имели негативные последствия для дела. Разумеется, главенство Экзархата во всей народной деятельности в вилайетах не оспаривалось. Она должна была быть в курсе всех предпринимаемых шагов и контролировать их. В данном случае стоял вопрос не об изъятии функций церковного начальства, а скорее о параллельных действиях и на местах, и со стороны главных экзархийских общин в вилайетских центрах. Предложения А. Шопова могли быть применимы и для Битольской, и для Скопской общины, которые имели лучший доступ к соответствующим окружным управлениям и могли воздействовать на них.

Контакты между болгарскими религиозными учреждениями и властями имели исключительно важное значение для развития церковно-школьной деятельности. Не следует забывать также о вкладе отдельных личностей, пользующихся авторитетом у властей и использующих его для защиты своих соотечественников.

Учитывая это, княжеский торговый агент в Салониках в конфиденциальном письме болгарскому дипломатическому агенту в Константинополе Ив. Ст. Гешову 7 сентября 1901 г. выражал озабоченность упразднением Экзархатом должности капукехая (представитель Экзархата при Высокой порте) в Салоницкой церковной общине и увольнением П. Шумкова. На место бывшего секретаря был назначен молодой юрист А. Христов (получивший юридическое образование в Лозанне), которому пришлось одновременно исполнять обязанности и архивиста-регистратора, и писаря.⁵⁴ Оговорившись, что болгарское торговое агентство придерживается принципа невмешательства в работу общины и Экзархата, А. Шопов считал своим долгом изложить свою позицию по этому

важному для Салоник и всего вилайета вопросу. Он подробно перечислил отрицательные последствия принятого решения.

У Салоникской общины всегда было много работы в конаке (административное или полицейское управление). В город, как в административный центр вилайета, направлялись для рассмотрения все церковно-школьные дела из каз. В епархиях в том округе, где не было болгарского митрополита, председатели городских общин по всем вопросам обращались к местному каймакаму, который переправлял их заявления и просьбы валие. Во многих случаях прошения были адресованы напрямую в вилайетское управление. Болгарские струмицкий и неврокопский митрополиты также постоянно составляли такриры (доклады) по различным проблемам своих епархий для салоникского окружного начальника. Чтобы следить за судьбой данных такриров и просьб, способствовать их более быстрому рассмотрению, присваивать им порядковый номер и т.д., Салоникская община должна была отправлять своего человека в конак. Долгое время эту функцию успешно выполнял П. Шумков (в качестве капукехая), хотя власти официально не признавали право общины иметь такого чиновника. Он сумел войти к ним в доверие благодаря «своей многолетней службе, знакомству с влиятельными чиновниками из вилайетского управления, своему возрасту и главным образом тому обстоятельству, что до сих пор ни в чем не был заподозрен властями». Его принимали как «капукехая болгарских митрополитов во всех канцеляриях, выслушивали и удовлетворяли его просьбы». Столь благоприятные условия позволяли при каждой смене валии в Салониках добиваться продления деятельности капукехая. А. Шопов опасался, что после увольнения П. Шумкова никто другой уже не сможет добиться подобного права, «тем более в настоящие времена». Пятью годами ранее адвокатом и чиновником в Салоникскую общину был принят Хр. Данчев (получивший юридическое образование в Константинополе). Ни одна канцелярия вилайетского управления, однако, не признала его права заступаться в подобном качестве за общинные дела. Результат его попыток был плачевным – оскорбления и изгнания из канцелярий. С тех пор ему пришлось довольствоваться ведением турецкой корреспонденции общины и составлением прошений болгар «с мест», а также консультированием их. Так же обстояли дела и с Я. Гелевым в Сяре.

Учитывая перечисленные обстоятельства, как и тот факт, что «Шумков – пожилой и имеющий заслуги в нашем церковно-школьном деле в Салониках» человек, А. Шопов просил княжеского агента потребовать от экзарха не упразднять его должность и не увольнять Шумкова, поскольку «это в интересах дела».⁵⁵

Касаясь вопроса о месте и роли отдельной личности в народной деятельности болгарских городских общин, не безынтересным было бы рассмотреть значение общинного председателя. Бесспорно, от его авторитета в большой степени зависел успех деятельности возглавляемого им органа. Ярким примером большой значимости общинного председателя в болгарском обществе являлась деятельность председателя Прилепской общины попа Спаса, которого многократно переизбирали на его посту (в 80-х и 90-х гг. XIX в.). П. Милюков после личных контактов с ним во время своего путешествия по Македонии в конце XIX в. делился впечатлениями: «В национально-церковную деятельность он вкладывал всю свою душу и, не ограничиваясь пределами своей общины, помогал церковному управлению владыки из соседней епархии». Национальное и церковное для него были неразрывно связаны как две стороны одного и того же явления⁵⁶.

Роль личности председателя в развитии национально-церковной деятельности в подведомственном ему районе подтверждается и сведениями о иеромонахе Мефодии Штерева, который в 1895 г. был кавадарским председателем, а в 1896 г. был назначен на ту же должность в Кукуш. В период его председательства в Тиквешской казе выросли авторитет и значение Кавадарской общины, удвоились церковные приходы, увеличилось число школ в околии, притихла фракционная борьба между христианами. Села в казе регулярно посещались им, а крестьяне получали наставления⁵⁷.

Разумеется, имело место и недовольство незаинтересованностью председателей в работе, их пассивностью, участием во фракционной борьбе и т.д. Случались даже обвинения в несоответствии моральным нормам. Например, против председателя Сярской общины протоиерея Н. Саева. В 1898 г. поступила жалоба на то, что он в своем доме давал приют женщинам сомнительного поведения в качестве кухарок и пр. В письме от 3 октября 1898 г. экзарх призвал его исповедаться как духовное лицо и сказать правду по поводу данных обвинений дабы избежать официального расследования⁵⁸. В ответ (23.X.1898) Н. Саев заявил, что это «клевета злонамеренных лиц», и Экзархат может провести беспристрастную проверку на месте. Он считал, что обвинения являются доказательством существования людей, которые сознательно препятствуют его деятельности в качестве председателя и поэтому просил освободить его от занимаемой должности⁵⁹.

Трудно определить, насколько справедливы были эти обвинения, и не являлись ли они результатом внутренних интриг. Вследствие отсутствия конкретных доказательств, остается лишь гадать, верна или нет эта информация.

Ясно, однако, то, что единство во мнениях отсутствовало. В большинстве случаев критика в печати руководства общины встречала опровержения с объяснениями и уверениями в добросовестности⁶⁰. В данном случае следует учитывать то обстоятельство, что внутренняя борьба и конфликты внутри болгарского городского общества в Македонии были распространенным явлением. Зачастую именно они являлись причиной нападков одной стороны и защиты другой. Но это отдельная проблема, которая не затрагивается в рамках данной статьи ввиду своей специфики и сложности, которые требуют ее отдельного рассмотрения.

Излишним будет перечислять все письма и корреспонденции, которые содержат похвалу или критику общинных руководителей. Важно то, что они создают впечатление о прямой зависимости развития церковно-школьной деятельности, его успехов или неудач, от личности председателя. Часто удачный год для той или иной городской общины был связан с деятельностью и личными качествами ее председателя. Не принижая его роли, следует отметить и значение всех должностных лиц, являвшихся частью общинного управления. Так как община являлась не единоличной организацией, за ее деятельность отвечали все ее служащие.

Успех в работе общины определялся также ее финансовым состоянием. К сожалению, на протяжении всего периода после Берлинского конгресса финансовая проблема являлась актуальной для всех болгарских городских общин в Македонии. В деле поддержания школ, как и в остальной деятельности, они вынуждены были рассчитывать, прежде всего, на собственные средства. На практике, однако, существовала постоянная нехватка денег. Первой инстанцией, от которой ожидали материальную помощь, был Экзархат, а та, в свою очередь, рассчитывала на финансирование со стороны Болгарии, являвшееся ее моральным и законным правом как общebolгарского учреждения. Материальное положение городских общин в Македонии не было одинаковым, так как некоторые из них были исключительно бедными, другие имели стабильный доход. Однако общее их положение было очень тяжелым. Проблема финансирования была повсеместной.

Велесская община, одна из наиболее устроенных и сильных в вилайетах, в 90-х гг. XIX в. имела около 500 лир годового дохода, чего было крайне недостаточно, чтобы покрыть расходы общины. Для сравнения в прежний период ее доходы превышали 1500, доходя и до 2000 лир. Из всей этой суммы около 400 лир шли на зарплаты городских учителей, 44 – на зарплаты 4-х слуг, работавших в школе, 8 – на зарплату председателя общины и 30 – на зарплату секретаря, остальные же деньги шли на разные городские нужды. Часто в конце года

обнаруживались недоимки, которые покрывались добровольными пожертвованиями⁶¹.

Источниками доходов общины являлись:

1. Вули (разрешение на венчание).
2. Доходы 4-х монастырей, приносивших около 10 000 грошей. Они находились в упадке, так как население было бедным и не могло отчислять средства, как это было ранее.
3. Завещания. В Велесе утвердился обычай, согласно которому каждый болгарин перед смертью завещал часть средств школам. Первоначально это делали только богатые, но за последние 4-5 лет обычай стал общераспространенным. Даже самые бедные в предсмертный час отдавали попу хотя бы одну прибереженную на этот случай белую меджидию (серебряную турецкую монету, равную 20 грошам). Священник записывал в специальной книге имя дарителя и размер дарения. В некое воскресенье совершалась литургия за упокоевание душ всех, кто жертвовал что-либо в пользу школ, и вспоминались их имена.
4. Школьный налог. Каждый совершеннолетний гражданин должен был вносить некоторую сумму в виде добровольных пожертвований: от половины, белой меджидии до 2 лир с богатого дома.
5. Доходы церквей. Они, однако, не шли в общинную кассу, поскольку имели специальное предназначение. Каждая из двух городских церквей ежемесячно раздавала нуждающимся прихожанам 320 оки муки и 200 грошей. Церковные старосты заботились об отоплении и ремонте школ⁶².

Исключительно тяжелым было положение Воденской общины, которая не имела почти никаких доходов. В руках грекоманов там оставались все церкви (за исключением одной), школы, недвижимое имущество и источники доходов. Болгары владели лишь церковью Св. Врач с несколькими комнатами в пристройке, которые служили школой. Доходы церкви были крайне недостаточны и использовались «на случай расходов на борьбу с грекоманами и для закупки дров, угля, мела, метел...» и других предметов, необходимых для школы. Наиболее богатые и влиятельные воденские граждане были на стороне грекоманов⁶³.

Высылаемые Экзархатом отчеты городских общин подтверждают сведения об их тяжелом финансовом состоянии. Картина дополнялась также данными о тяжелом положении в казах. Мельникская болгарская община была слаба и не располагала необходимыми средствами. В городе (который был полностью греческим) в 1896 г. все еще не было экзархийской церкви, а лишь одна часовня «Св. св. Кирилла и Мефодия». В казе церкви и школы не имели почти никакого

движимого или недвижимого имущества. Источником дохода была продажа восковых свеч, диски во время богослужения и некоторые мелкие пожертвования. Доходов едва хватало для выплаты годовых зарплат певцу, пономарю, учителям и на некоторые нужды школ⁶⁴. Источниками доходов Сярской общины в 1896 г. была реконструированная часовня «Св. св. Кирилла и Мефодия», приносящая 2 330 грошей. Расходы равнялись 2094 гр., а чистая прибыль – 206 гр. Что касается казны, там лишь очень немногие церкви имели движимое и недвижимое имущество⁶⁵. В тот период подобное положение было и в Тиквешской казе, где собственностью обладали только Кавадарская (2 магазина и пекарня), Варошская (2 магазина и немного земли) и Неготинская (2 магазина и 3 поля) церкви⁶⁶.

Общины сами должны были заботиться о поиске средств и обмениваться между собой опытом в этом отношении. Одна из наиболее крепких общин в вилайетах, Прилепская община (еще до Освободительной войны) выступила с инициативой вместо раздачи «угощений на проводах покойника жертвовать предусмотренные на эти цели деньги в пользу церкви, которая содержит школы». Было принято решение каждую субботу служить литургию за упокоевание дарителей, а их имена вписывались в церковную памятную книгу, которая зачитывалась каждый год у алтаря. Пример был унаследован и другими общинами: Велесской, Битольской и Салоникской⁶⁷. В Ресене и Кукуше, как и в Велесе, существовал обычай дарения каждым человеком в свой предсмертный час чего-либо «в пользу общего блага»⁶⁸. Гевгелийская община также намеревалась ввести такой обычай в 1897 г., считая его удачным и обязательным⁶⁹. Практика завещаний в пользу церковно-школьного дела имела место и в Скопье⁷⁰. С целью увеличения церковных приходов 1 января 1896 г. в городе был открыт церковный магазин, в котором продавались чистые восковые свечи. Вырученные деньги должны были пойти на нужды болгарских школ⁷¹.

Другим источником средств являлось недвижимое имущество церквей в некоторых городах: магазины, пекарни, дома и пр. В «Новини» (№ 25, 15.XII.1892) на это обращалось специальное внимание и подчеркивалось, что общины должны внимательно следить за состоянием своей собственности, за регулярным поступлением платы за наем и т.д. С этой целью предлагалось создать реестры, счета по которым ежегодно представлять населению⁷². В статье обращалось внимание сельских общин на другой возможный источник доходов, а именно с общинной земли (пастбище или покос), расположенной вблизи от сел. Предлагалось выделить из нее одну часть под именем «школьной», ко-

торая бы обрабатывалась крестьянами, полученный с нее продукт продавался бы, а вырученные деньги шли на нужды школы⁷³.

Монастыри также рассматривались в указанной статье в качестве источника доходов. Почти в каждом городе и пригородах имелось несколько монастырей. Нужно было, чтобы община «на должность игумена в них ставила честных священников и обязывала их вести регулярные счета доходов и расходов». Часть излишков можно было использовать для нужд центральной городской школы в казе, другую часть – для содержания монастырской школы. В качестве примера приводилась Прилепская община, следившая за порядком в монастырских приходах и получавшая от них значительную сумму на содержание своих городских школ⁷⁴.

В стремлении добиться большего успеха в церковно-школьной деятельности болгарские учреждения применяли различные методы. От их успеха зависел дополнительный доход. Редакция «Новини» в номере за 23 апреля 1893 г. предлагала похвальный опыт Крушевской общины, которая добровольно ввела школьный налог. Члены общины называли его не налогом, а денежной помощью, но не временной, а постоянной, ежегодной⁷⁵. Для собраний средств в пользу начальных школ в декабре 1897 г. Салоникская община организовала театральное представление с участием учителей. Были проданы билеты на 72 лиры, а чистая прибыль составила 55 лир. Из-за дешевизны билетов доход от представления был в два раза ниже прошлогоднего⁷⁶.

Из сделанного обзора видно, что некоторые городские общины в Македонии старались найти больше источников доходов для осуществления своей деятельности. Успешный пример одного города мог быть повторен и в других. Во всяком случае, однако, от всего болгарского населения требовались желание, жертвенность и проявление развитого национального чувства.

Вопреки усилиям общин, их финансовое состояние оставалось незавидным. Недостаток средств ощущался почти всегда, что тормозило нормальное развитие их деятельности. Поэтому местные болгарские общины – Салоникская, Ресенская, Струмицкая, Кукушская, Костурская и др. – обращались за помощью к Экзархату. Впечатляет то, что многие просьбы о финансовой помощи более мелких общин передавались через Салоникскую общину. Выполняя роль центральной, она мирилась с обязанностью доставлять их до места назначения и содействовать их удовлетворению.

Экзархат со своей стороны пытался оказывать посильную помощь, выделяя определенные суммы. При этом экзарх выступал за то, чтобы общины, прежде всего, сами брали на себя как моральную, так и материальную ответ-

ственность за ту деятельность, ради которой они были учреждены, а за помощью обращались бы лишь в случае неотложной нужды. К сожалению, финансовое состояние Экзархата также не было исключительно хорошим, из-за чего в некоторых случаях он вынужден был даже отказывать в требуемых суммах⁷⁸. 10 марта 1897 г. председателям болгарских церковных общин, школьным инспекторам, главным учителям и председателям пансионных комиссий в вилайетах было отправлено экзархийское циркулярное послание, в котором предписывалось «иметь экономию во всем» ввиду затруднительного положения в котором находился экзархийский ковчег. Председатели должны были свести до минимума свои канцелярские расходы, а посещения ими сел должны были осуществляться за счет сельских общин, которые их приглашали. Инспекторы и главные учителя должны были ограничиваться только одной ревизией сельских школ в году, а председатели пансионных комиссий не превышать расходов, изначально предусмотренных в годовом бюджете. «Запрещаются любые денежные обязательства без предварительного осведомления и разрешения Экзархата», – говорилось в послании⁷⁹.

Наряду с помощью общинам Экзархат выделял средства на содержание общинных председателей, митрополитов и архиерейских наместников. По этому поводу в секретном докладе для МИД от 25 июня 1902 г. экзарх Йосиф отмечал: «Согласно привилегиям Экзархата, данных правительством, в городах, куда не были назначены болгарские митрополиты, церковно-школьной деятельностью руководят председатели общин, духовные лица, являющиеся представителями Экзархата и населения перед местными властями. Их финансирование осуществляется полностью за счет экзархийского бюджета. Предоставить их содержание местным общинам более чем невозможно, Экзархату в таком случае пришлось бы упразднить их должности, что будет равносильно полному прекращению нашей церковно-школьной деятельности в этих казах. Они играют там главную роль в поддержке болгарского дела и именно они противостоят греческим владыкам и архиерейским наместникам. Не будет их, некому будет и заступаться перед местными властями за интересы болгарского населения, а без подобного заступничества население не сможет продержаться и будет вынуждено снова признать Патриархию и перейти под покровительство ее митрополитов и архиерейских наместников»⁸⁰. Экзарх убедительно доказывал целесообразность применяемой Болгарской церковью практики денежного содержания общинных председателей. Было очевидно, что этого требуют обстоятельства, а мотивами экзарха было сохранение болгарщины в вилайетах.

Что касается митрополитов и архиерейских наместников, Йосиф I отмечал недопустимость сокращения или отмены Экзархатом их зарплат «и пособий епархиальных советов», так как их существование без этого, особенно в некоторых епархиях, невозможно. Он подчеркивал, что при сегодняшних условиях содержать их за счет сбора налога «на владыку» является неприемлемым, особенно в Скопской, Дебрской, Струмицкой и Битольской епархиях, поскольку патриархийские владыки тоже не собирают такой налог. С другой стороны материальное положение болгарского населения не позволяет употребить подобную меру. Даже в районах, где население в состоянии платить такой устаревший налог, его не следует вводить из-за угрозы того, что этим может воспользоваться враждебная пропаганда. По оценке Экзархата, следовало постепенно вводить добровольный сбор налога «на владыку» в некоторых епархиях, таких как Неврокопская, Охридская и Адрианопольская.

В деле выполнения указанных выше обязательств Экзархат рассчитывал на патриотизм княжеского правительства, которое могло отпустить требуемые кредиты⁸¹. После Берлинского конгресса духовное единство освобожденных болгар и болгар в Македонии и Фракии реализовывалось исключительно Экзархатом. В этом смысле ее цели и задачи имели общенациональное значение, что должно было прекрасно всеми осознаваться. Поэтому и деятельность церкви в вилайетах нуждалась в поддержке со стороны Болгарии (до соединения 6 сентября 1885 г. Княжество Болгария и Восточная Румелия). Болгарское государство отозвалось на эти призывы и оказало моральную и финансовую помощь Экзархату как общенациональному институту, поддержав его церковно-просветительскую деятельность в Македонии и Адрианопольском вилайете.

Сделанный выше обзор показывает, что болгарские органы самоуправления в Македонии быстро восстановились после нанесенного им удара во время русско-турецкой освободительной войны и приступили к активной деятельности. В период 1878-1903 гг. городские общины имели ясно определенную структуру, устав, регламентирующий их внутреннее устройство и компетенции, а также экзархийскую программу, касающуюся их обязанностей и конкретной деятельности. Общины проявили себя как самые массовые легальные общественные учреждения болгарского населения в Македонии, сыгравшие важную роль в сохранении его национального духа.

Перевод Д. Лабаури

¹ Христов Хр. Българските общини през Възраждането. София, 1973.

² Кирил, Патриарх български. Българската екзархия в Одринско и Македония след Освободителната война (1877-1878). Т. I, кн. I, София, 1969, Т. I., кн. II, София, 1970.

- ³ Снегаров Ив. Солун в българската духовна култура. София, 1937; Шалдев Хр. Град Прилеп за своите училища // Македонски преглед, 1924, кн. 2. С. 39-51; Влахов Т. Кукуш и неговото минало. София, 1969; Шарков В. Град Горна Джумая. Минало и днес. София, 1930; Хаджидинов К. Дойран. Разцветът и гибелта на един град. София, 1960 и др.
- ⁴ Кънчов В. Избрани произведения. Т. I-II, София, 1970; Шопов А. Из живота и положението на българите във вилаетите. Пловдив, 1893; Стрезов Г. Два санджака от Източна Македония // Периодическо списание на Българско книжовно дружество, 1891, кн. 36. С. 809-861; кн. 37, С. 1-91; Матов Д. Кратка расправа по етнографията на Македония, 1890 и др.
- ⁵ Кирил, Патриарх български. Указ. соч. Т. I, кн. I. С. 604.
- ⁶ Там же, С. 613.
- ⁷ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 15, л. 97-98.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 15, л. 99-102.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ БАН-НА, ф. 15 к, оп. 1, а.е. 121, л. 50-51.
- ¹² Кирил, Патриарх български. Указ. соч. Т. I., кн. I. С. 613 – внимание было уделено основным положениям экзархийской программы.
- ¹³ Зорница, V, бр. 44, 28.X.1880, С. 174.
- ¹⁴ Кирил, Патриарх български. Указ. соч. Т. I., кн. I. С. 578.
- ¹⁵ Новини, г.V, бр. 31, 13.I.1895 г., С. 3 ; г.VI, бр. 62, 3.V.1896, С. 2 ; г. VII, бр. 2, 15.X.1896 г., С. 2 и т.д.
- ¹⁶ Новини, г.VI, бр. 68, 24.V.1896, С. 3.
- ¹⁷ Новини, г.VI, бр. 62, 3.V.1896, С. 2.
- ¹⁸ Пасков, И. Изложение на екзарх Йосиф I до Св. Синод на Българската църква за църковно-училищното дело на в Македония (1897-1900) // Известия на държавните архиви, т. 59, 1990. С. 393-435.
- ¹⁹ Новини, г. IV, бр. 35, 25.I.1894. С. 2.
- ²⁰ Новини, г. VI, бр. 19, 24.XI.1895. С. 3.
- ²¹ Новини, г. III, бр. 22, 4.XII.1892. С. 3.
- ²² Новини, г. V, бр. 80, 7.VII, 1895. С. 3.
- ²³ Новини, г. VI, бр. 62, 3.V.1896. С. 2.
- ²⁴ Новини, г. V, бр. 31, 13.I.1895. С. 3.
- ²⁵ Новини, г. VII, бр. 31, 13.I.1897. С. 4.
- ²⁶ Новини, бр. 27, 17.I.1897. С. 2.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Новини, г. VIII, бр. 29, 10.II.1898. С. 1.
- ²⁹ Зорница, V, бр. 44, 28.X.1880. С. 174.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Зорница, бр. 52, 23.XII.1880. С. 206.
- ³² Там же. С. 206.
- ³³ Новини, г. V, бр. 58, 21.IV.1895. С. 1.
- ³⁴ Там же. С. 1.
- ³⁵ Зорница, V, бр. 45, 4.XI.1880. С. 178.
- ³⁶ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 26, л. 49.
- ³⁷ Кирил, Патриарх български. Указ. соч. Т. I, кн. I. С. 573.
- ³⁸ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 43, л. 158.
- ³⁹ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 26, л. 59; а.е. 25, л. 15.
- ⁴⁰ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 41, л. 53, 54-56.
- ⁴¹ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 41, л. 4-5, 132-133.
- ⁴² ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 41, л. 100-102.
- ⁴³ Кирил, Патриарх Български. Указ. соч. Т. I, кн. I. С. 573.
- ⁴⁴ Там же. С. 574.
- ⁴⁵ Зорница, V, бр. 45, 4.XI.1880. С. 178.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е., 50, л. 79.
- ⁴⁸ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 86, л. 27-28.
- ⁴⁹ Новини, г.V, бр. 100, 15.IX.1895. С. 3.
- ⁵⁰ Кирил, Патриарх български. Указ. соч. Т. I, кн. I. С. 618-619.
- ⁵¹ ЦДА, ф. 334, оп. 1, а.е. 65, л. 2-4.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Кирил, Патриарх български. Указ. соч. Т. I, кн. I. С. 578.
- ⁵⁴ ЦДА, ф. 334, оп. 1, а.е. 95, л. 3-5.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Пряпорец, бр. 68, 27.II.1899; Милуков, П. Писма от Македония.

-
- ⁵⁷ Новини, г. VI, бр. 30, 9.I.1896. С. 2.
⁵⁸ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 143, л. 34-35.
⁵⁹ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 143, л. 36.
⁶⁰ Новини, г. III, бр. 7, 13.X. 1892; г. IV, бр. 55, 5.IV.1894; бр. 65, 13.V.1894; бр. 59, 25.IV.1895; бр. 62, 5.V.1895 и др.
⁶¹ Кънчов, В. Указ. соч. Т. II. С. 281.
⁶² Там же. С. 280.
⁶³ Шопов, Ат. Указ. соч. С. 205-206.
⁶⁴ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 142, л. 11-16.
⁶⁵ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 142, л. 18-26.
⁶⁶ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 142, л. 55-60.
⁶⁷ Новини, г. III, бр. 14, 6.XI.1892; бр. 25, 15.XII.1892.
⁶⁸ Новини, г. III, бр. 14, 6.XI.1892, С. 3; г. IV, бр. 93, 23.VIII.1894.
⁶⁹ ЦДА, ф. 246, оп. 1, а.е. 142, л. 76-89.
⁷⁰ Новини, г. III, бр. 59, 23.IV. 1892, С. 3.
⁷¹ Новини, г. VI, бр. 54, 5.IV.1896, С. 3.
⁷² Новини, г. III, бр. 25, 15.XII.1892, С. 3-4.
⁷³ Там же.
⁷⁴ Там же.
⁷⁵ Новини, г. III, бр. 59, 23.IV.1893, С. 1.
⁷⁶ Новини, г. VII, бр. 24, 3.I.1897, С. 3.
⁷⁸ ЦДА, КМФ-23М, 899/11, ф. 501, л. 56-57 — Архив на Македония, Скопие.
⁷⁹ ЦДА, КМФ-23М, 899/11, ф. 501, л. 5.
⁸⁰ Георгиев, В., Ст. Трифонов, Екзарх български Йосиф I. Писма и доклади. София, 1994. С. 209-214, док. 81.
⁸¹ Там же, док. 81.